

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Василий Владимировский. «Бездумный, безмозглый, беззубый развлеченческий роман»</i>	5
Часть первая. РОБИНЗОН	13
Глава первая	13
Глава вторая	28
Глава третья	42
Глава четвертая	59
Часть вторая. ГВАРДЕЕЦ	74
Глава пятая	74
Глава шестая	87
Глава седьмая	106
Глава восьмая	125
Часть третья. ТЕРРОРИСТ	153
Глава девятая	153
Глава десятая	168
Глава одиннадцатая	179
Глава двенадцатая	194
Часть четвертая. КАТОРЖНИК	209
Глава тринадцатая	209
Глава четырнадцатая	241
Глава пятнадцатая	255
Глава шестнадцатая	278
Глава семнадцатая	302
Часть пятая. ЗЕМЛЯНИН	331
Глава восемнадцатая	331
Глава девятнадцатая	356

Василий Владимировский
«БЕЗДУМНЫЙ, БЕЗМОЗГЛЫЙ,
БЕЗЗУБЫЙ РАЗВЛЕЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН»

Василий Владимировский — книжный обозреватель, исследователь истории фантастики, ведет телеграм-канал speculative_fiction. Лауреат премии для критиков «Неистовый Виссарион». Автор книг о фантастике «Драконы и звездолеты», «Сопряженные миры», «Картографы рая и ада», составитель книги «Мир без Стругацких» и других антологий.

Для начала два самых известных факта о повести «Обитаемый остров» (сокращенно ОО) — что называется, задокументированных, запрототолированных и подтвержденных источниками.

Во-первых, «Остров» задумывался в 1967 году, после того, как все журнальные и книжные редакции дружно отвергли повести братьев Стругацких «Сказка о Тройке» и «Гадкие лебеди», — и должен был стать легкой, беспроблемной, чисто приключенческой вещью, абсолютно невинной с точки зрения самого въедливого цензора, поднаторевшего в поиске скрытых аллюзий, отсылок и прочих фиг в кармане. В «Комментариях к пройденному» Борис Натанович вспоминает этот этап

работы так: *«Очень хорошо помню, как, обескураженные и злые, мы говорили друг другу: „Ах, вы не хотите сатиры? Вам более не нужны Салтыковы-Щедрины? Современные проблемы вас более не волнуют? Оч-чень хорошо! Вы получите бездумный, безмозглый, абсолютно беззубый, развлекенческий, без единой идеи роман о приключениях мальчика-е...чика, комсомольца XXII века...“ Смешные ребята, мы словно собирались наказать кого-то из власть имущих за отказ от предлагаемых нами серьезностей и проблем. Наказать тов. Фарфуркиса легкомысленным романом! Забавно. Забавно и немножко стыдно сейчас это вспоминать».*

Факт номер два: из всех произведений братьев Стругацких «Обитаемый остров» пережил больше всего цензурных правок. При подготовке «канонического» издания, которое аккуратно переиздается с 1993 года, Юрий Флейшман из исследовательской группы «Людены» насчитал без малого восемь сотен отличий от авторской рукописи. Стилистическую, смысловую, идеологическую правку в ОО вносили на всех этапах и на разных уровнях: для журнального издания, для книжного издания, при визировании гранок в Главлите и так далее. Некоторые правки откатить обратно в 1990-х было уже невозможно: например, русские Максим Ростиславский и Павел Григорьевич (Странник) навечно превратились в немцев Максима Каммерера и Рудольфа Сикорски.

Критик и редактор Самуил Лурье рассказывал, как работал с рукописью «Обитаемого острова», когда редактировал ее для публикации в ленинградском литературном журнале «Нева»: *«Я ее топтал... Ногами, в ботинках. Приехал к Борису Натановичу на улицу Победы. Разложил на полу листы машинописи, надел ботинки и потоптал листы. Потом снял ботинки... Помял листы и приступил к работе. Я густо зачеркивал одно слово, ставил на полях корректорский значок, писал синоним; если лень было подбирать синоним, писал то же самое слово.*

Густо зачеркивал абзац, на полях ставил красным вопросительный знак или писал...».

Это, конечно, легенда, байка, художественный вымысел, имеющий с реальностью мало общего. На самом деле все было гораздо печальнее: работа шла долго, нудно, кропотливо, в несколько приемов — и без всяких героических эскапад. В письме брату от 1 октября 1968 года Борис Стругацкий описывал один из эпизодов: *«Вчера был у меня Саша [Самуил] Лурье. Мы с ним проглядели рукопись ОО, учли кое-какие заметки на полях, кое-какие не учли, оставив впредь до выяснения, и я вручил ему рукопись. Он настроен мрачно. Попов уходит в отпуск, вместо него остается Некрасов, а это означает, что все начнется сначала. Некрасов прочтет рукопись, заявит, что это плевок в лицо советской власти, и потребует бредовых корректур».* А уже 21 ноября Борис Натанович с приятным удивлением делился с братом итогами встречи с заместителем главного редактора «Невы»: *«Некрасов прочел ОО и, противу всяких ожиданий, не сделал никаких существенных замечаний. Масса идиотской стилистической правки, свидетельствующей о малограмотности, и — всё. Саша [Лурье] обалдел от удивления. Я тоже. Потом я побеседовал с Некрасовым, еще раз поразился его тупости и косноязычию, и на том все кончилось».*

Тем не менее рукопись пострадала капитально: по количеству (и, как справедливо сказано выше, идиотизму) цензурных придирок с «Обитаемым островом» сравнится только повесть «Пикник на обочине», версия, изданная в авторском сборнике Стругацких «Неназначенные встречи» в 1980-м. Хотя, казалось бы, ничто не предвещало такого поворота: начав работу без особого энтузиазма, соавторы быстро увлеклись историей нестандартной робинзонады и через полтора рабочих месяца у них на руках уже был законченный чистовик (тут стоит напомнить, что в первом книжном издании 1971 года ОО занимал 320 страниц). Несмотря на все очевидные под-

тексты, повесть все еще казалась соавторам достаточно «беззубой, развлеченческой» и вполне «проходимой» в советском издательстве — впрочем, во второй половине 1960-х Стругацким хватало простодушия, чтобы, не опасаясь последствий, предлагать в «Юность» и ту же «Неву» рукопись «Гадких лебедей».

История, что и говорить, поучительная. Тут можно было бы сказать много общих слов о том, что целеполагание автора — далеко не главное: если вокруг что-то идет не так, если в мире сгущается какая-то очевидная неблагополучность, у наблюдательного и честного с собой писателя крамола получается рефлекторно, независимо от его, писателя, планов. Как в том анекдоте про рабочего, который пытается собрать изделие из деталей, украденных с фабрики по производству промтоваров, а получается, как ни крути, АК-47. Но все эти слова давно сказаны и без меня — тем более что примеров такого рода в истории советской литературы XX века не счесть, от Андрея Платонова и Михаила Зощенко до Василия Аксенова и от Евгения Шварца и Михаила Булгакова до Василя Быкова.

Но если бы это было единственным, чем привлекает повесть Стругацких, такой разговор не стоило бы даже начинать.

Несмотря на все цензурные купюры, «легкомысленный» авантюрно-приключенческий «Обитаемый остров» стал одной из главных советских дистопий, «нашим ответом Джорджу Оруэллу» — по крайней мере, среди книг, официально допущенных в печать. Не утратив при этом, что немаловажно, увлекательности и внутренней динамики. В то же время мощный антитоталитарный меседж Стругацких загородил другой конфликт, в силу своей универсальности, пожалуй, не менее важный. Здесь трудно обойтись совсем без спойлеров, но все-таки попробую — на случай, если кто-то из читателей еще не знаком с ОО.

Теплый, светлый, гуманный Мир Полдня, мир светлого будущего, из которого родом юный коммунар Максим Каммерер, — возможно, главный вклад братьев Стругацких в копилку позднесоветской фантастики. Образ бесконечно живой и бесконечно притягательный, в отличие от других утопий, напоминающих скорее холодные математические абстракции. При этом сюжеты повестей «Полуденного цикла» часто связаны с выбором «между двух зол», между альтернативами, ни одну из которых при всем желании не назовешь гуманной. Кого или что спасти на единственном звездолете с планеты-полигона Радуги, которую вот-вот накроет смертоносная Волна, выбирают нуль-физики в повести «Далекая Радуга». Нарушить прямой запрет, вмешаться в естественное течение инопланетной истории и своими руками передуть злодеев или оставить все как есть и дожидаться государственного переворота, сопровождающегося кровавой резней, решает земной наблюдатель Антон-Румата в средневековом Арканаре из повести «Трудно быть богом». Любой ценой остановить предполагаемого агента сверхцивилизации Странников или поставить под удар все человечество решает на страницах «Жука в муравейнике» постаревший Рудольф Сикорски. Иногда (на самом деле довольно часто) герои Стругацких принимают неверные решения и даже признают свои ошибки — правда, обычно слишком поздно. Как, например, наблюдатели Института экспериментальной истории в «Трудно быть богом»: *«Тебе надо было убраться Рэбу... Убить! Похитить! Сместить! Заточить! Надо было действовать. Не советоваться с двумя дураками, которые ни черта не понимали в том, что происходит».*

Это сочетание гуманного мира и беспощадного выбора создает сильный драматический эффект, мощный перепад потенциалов, забрасывает читателя на эмоциональные качели. Но только в «Обитаемом острове» братья Стругацкие в деталях показывают, какой ценой та-

кой выбор дается герою, как приходит к решению самый обычный гражданин Мира Полудня. Не прогрессор, прошедший специальный курс подготовки и психологическое кондиционирование, не наблюдатель, прекрасно разбирающийся в материальной культуре Средневековья и теории исторических последовательностей, даже не случайный турист, ненадолго залетевший на чужую планету и наблюдающий жизнь этого мира со стороны. Обычный «человек будущего» двадцати лет от роду, вчерашний подросток, неглупый, но простодушный и не слишком образованный, человек, который в силу обстоятельств принял этот мир как свой.

«Обитаемый остров» — история взросления Максима Каммерера в условиях, далеких от идеальных. История потери невинности. История героя, учащегося принимать ответственность за решения, результатом которых в любом случае станут реки крови, в том числе крови людей, непричастных к преступлениям. Разумеется, решения не «самые добрые» — такой опции Каммереру планета Саракш просто не предлагает.

Пожалуй, ключевой эпизод повести — это диалог Максима с мутантом Колдуном, живым воплощением холодного рационального рассудка, разума, отточенного до бритвенной остроты, но не отягощенного грузом эмоций — и понимающего юного землянина куда лучше, чем тот понимает себя сам. Колдун напоминает Наставников из «Града обреченного»: так же бесцеремонно лезет в голову собеседнику, так же дает советы без запроса — только говорит не утешительные глупости, а вещи болезненные, шокирующие, на первый взгляд даже оскорбительные. Например, рассуждает о том, что в ситуации неоднозначного этического выбора даже самому искреннему гуманисту неизбежно придется договариваться со своей совестью, успокаивать ее старым добрым заговором: «Цель оправдывает средства, лес рубят — щепки летят».

Тем больший восторг и зависть вызывает Мир Полудня, в котором подавляющее большинство ограждено от необходимости хотя бы раз в жизни (непомерно долгой) принимать экстремальные решения, делать выбор в духе небезызвестного «парадокса вагонетки». Видимо, самих Стругацких тоже занимал вопрос, как именно человечеству утопического будущего удалось сохранить эту очаровательную невинность, избежать вызовов большого страшного мира, где что ни обитаемая планета — непременно Гиганда, Саула, Саракш или вовсе Пандора. Некоторые намеки на ответ можно обнаружить в материалах к повести «Белый Ферзь» (она же «Операция „Вирус“»), задуманной Стругацкими в 1984 году, где все тот же Максим Каммерер становится первым земным прогрессором, сумевшим разобраться в замысловатом социальном устройстве Островной Империи. В 1996 году в предисловии к антологии «Время учеников» Борис Натанович вспоминал: *«В три круга, грубо говоря, укладывался этот мир.*

Внешний круг был клоакой, стоком, адом этого мира — все подонки общества стекались туда, вся пьянь, рвань, дрянь, все садисты и прирожденные убийцы, насильники, агрессивные хамы, извращенцы, зверье, нравственные уроды — гной, шлаки, фекалии социума. Тут было ИХ царствие, тут не знали наказаний, тут жили по законам силы, подлости и ненависти. Этим кругом Империя ощетикивалась против всей прочей ойкумены, держала оборону и наносила удары.

Средний круг населялся людьми обыкновенными, ни в чем не чрезмерными, такими же, как мы с вами, — чуть похуже, чуть получше, еще далеко не ангелами, но уже и не бесами.

А в центре царил Мир Справедливости. „Полдень, XXII век“. Теплый, приветливый, безопасный мир духа, творчества и свободы, населенный исключительно людьми талантливыми, славными, дружелюбными, свято сле-

дующими всем заповедям самой высокой нравственности».

Аналогия, в общем, очевидная — неудивительно, что Каммерер, переживший шок от своего открытия, почти не говорит об этом героическом эпизоде ни в «Жуке в муравейнике», ни в повести «Волны гасят ветер». Впрочем, в итоге «Белый Ферзь» написан не был — ни самими Стругацкими, ни их учеником Николаем Ютановым, которому Борис Натанович передал все наработки и черновики.

Возможно, это и к лучшему: не всё и не всегда автору следует проговаривать открытым текстом, порой стоит оставить простор и для читательской фантазии. И братья Стругацкие понимали это как никто другой.

Часть первая

РОБИНЗОН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Максим приоткрыл люк, высунулся и опасливо поглядел в небо. Небо здесь было низкое и какое-то твердое, без этой легкомысленной прозрачности, намекающей на бездонность космоса и множественность обитаемых миров, — настоящая библейская твердь, гладкая и непроницаемая. Твердь эта, несомненно, опиралась на могучие плечи местного Атланта и равномерно фосфоресцировала. Максим искал в зените дыру, пробитую кораблем, но дыры там не было — там расплывались только две большие черные кляксы, словно капли туши в воде. Максим распахнул люк настежь и соскочил в высокую сухую траву.

Воздух был горячий и густой, пахло пылью, старым железом, раздавленной зеленью, жизнью. Смертью тоже пахло, давней и непонятной. Трава была по пояс, неподалеку темнели заросли кустарника, торчали кое-как унылые кривоватые деревья. Было почти светло, как в яркую лунную ночь на Земле, но не было лунных теней и не было лунной туманной голубизны, все было серое, пыльное, плоское. Корабль стоял на дне огромной котловины с пологими склонами; местность вокруг заметно поднималась к размытому неясному горизонту, и это было странно, потому что где-то рядом текла река,

большая и спокойная, текла на запад, вверх по склону котловины.

Максим обошел корабль, ведя ладонью по холодно-му, чуть влажному его боку. Он обнаружил следы ударов там, где и ожидал. Глубокая неприятная вмятина под индикаторным кольцом — это когда корабль внезапно подбросило и завалило набок, так что киберпилот обиделся и Максиму пришлось спешно перехватить управление, и зазубрина возле правого зрачка — это десять секунд спустя, когда корабль положило на нос и он окривел. Максим снова посмотрел в зенит. Черные кляксы были теперь еле видны. Метеоритная атака в стратосфере, вероятность — ноль целых ноль-ноль... Но ведь всякое возможное событие когда-нибудь да осуществляется...

Максим просунулся в кабину, переключил управление на авторемонт, задействовал экспресс-лабораторию и направился к реке. Приключение, конечно, но все равно — рутина. Скука. У нас в ГСП даже приключения рутинные. Метеоритная атака, лучевая атака, авария при посадке. Авария при посадке, метеоритная атака, лучевая атака... Приключения тела.

Высокая ломкая трава шуршала и хрустела под ногами, колючие семена впивались в шорты. С зудящим звоном налетела туча какой-то мошкары, потолклась перед лицом и отстала. Взрослые солидные люди в Группу Свободного Поиска не идут. У них свои взрослые солидные дела, и они знают, что все эти чужие планеты в сущности своей достаточно однообразны и утомительны. Однообразно-утомительны. Утомительно-однообразны... Конечно, если тебе двадцать лет, если ты ничего толком не умеешь, если ты толком не знаешь, что тебе хотелось бы уметь, если ты не научился еще ценить свое главное достояние — время, если у тебя нет и не предвидится каких-либо особенных талантов, если доминантой твоего существа в двадцать лет, как и десять лет на-

зад, остается не голова, а руки да ноги, если ты настолько примитивен, что воображаешь, будто на неизвестных планетах можно отыскать некую драгоценность, невозможную на Земле, если, если, если... то тогда — конечно. Тогда бери каталог, раскрывай его на любой странице, ткни пальцем в любую строчку и лети себе. Открывай планету, называй ее собственным именем, определяй физические характеристики, сражайся с чудовищами, буде таковые найдутся, вступай в контакты, буде найдется с кем, робинзонь помаленьку, буде никого не обнаружишь... И не то чтобы все это напрасно. Тебя поблагодарят, тебе скажут, что ты внес посильный вклад, тебя вызовет для подробного разговора какой-нибудь видный специалист... Школьники, особенно отстающие и непременно младших классов, будут взирать на тебя с почтительностью, но Учитель при встрече спросит только: «Ты все еще в ГСП?» — и переведет разговор на другую тему, и лицо у него будет виноватым и печальным, потому что ответственность за то, что ты все еще в ГСП, он берет на себя, а отец скажет: «Гм...» — и неуверенно предложит тебе место лаборанта; а мама скажет: «Максик, но ведь ты неплохо рисовал в детстве...»; а Олег скажет: «Сколько можно? Хватит сражаться...»; а Дженни скажет: «Познакомься, это мой муж». И все будут правы, все, кроме тебя. И ты вернешься в Управление ГСП и, стараясь не глядеть на двух таких же остолопов, роющихся в каталогах у соседнего стеллажа, возьмешь очередной том, откроешь наугад страницу и ткнешь пальцем...

Прежде чем спуститься по обрыву к реке, Максим оглянулся. Позади топорщилась, распрямляясь, примятая им трава, чернели на фоне неба корявые деревья, и светился маленький кружок раскрытого люка. Все было очень привычно. Ну и ладно, сказал он себе. Ну и пусть... Хорошо бы найти цивилизацию — мощную, древнюю, мудрую. И человеческую... Он спустился к воде.

Река действительно была большая, медленная, и простым глазом было видно, как она спускается с востока и поднимается на запад. (Рефракция здесь, однако, чудовищная...) И видно было, что другой берег пологий и зарос густым тростником, а в километре вверх по течению торчат из воды какие-то столбы и кривые балки, перекошенные решетчатые фермы, мохнатые от вьющихся растений. Цивилизация, подумал Максим без особенного азарта. Вокруг чувствовалось много железа, и еще что-то чувствовалось, неприятное, душное, и когда Максим зачерпнул горстью воду, он понял, что это радиация, довольно сильная и злобная. Река несла с востока радиоактивные вещества, и Максиму стало ясно, что проку от этой цивилизации будет мало, что это опять не то, что контакта лучше не затевать, а надо сделать стандартные анализы, раза два незаметно облететь планету по экватору и убираться восвояси, а на Земле передать материалы угрюмым, много повидавшим дядям из Совета галактической безопасности и поскорее забыть обо всем.

Он брезгливо отряхнул пальцы и вытер их о песок, потом присел на корточки, задумался. Он попытался представить себе жителей этой планеты — вряд ли благополучной. Где-то за лесами был город, вряд ли благополучный город: грязные заводы, дряхлые реакторы, сбрасывающие в реку радиоактивные помои, некрасивые, дикие дома под железными крышами, много стен и мало окон, грязные промежутки между домами, заваленные отбросами и трупами домашних животных, большой ров вокруг города и подъемные мосты... Хотя нет, это было до реакторов. И люди. Он попытался представить себе этих людей, но не смог. Он знал только, что на них очень много надето, они были прямо-таки запакованы в толстую грубую материю, и у них были высокие белые воротнички, натирающие подбородок... Потом он увидел следы на песке.

Это были следы босых ног. Кто-то спустился с обрыва и ушел в реку. Кто-то с большими широкими ступнями, тяжелый, косолапый, неуклюжий — несомненно, гуманоид, но на ногах у него было по шесть пальцев. Постанывая и кряхтя, сполз с обрыва, проковылял по песку, с плеском погрузился в радиоактивные воды и, фыркая и храпя, поплыл на другой берег, в тростники. Не снимая высокого белого воротничка...

Яркая голубая вспышка озарила все вокруг, словно ударила молния, и сейчас же над обрывом загрохотало, зашипело, затрещало огненным треском. Максим вскочил. По обрыву сыпалась сухая земля, что-то с опасным визгом пронеслось в небе и упало посередине реки, подняв фонтан брызг вперемешку с белым паром. Максим торопливо побежал вверх по обрыву. Он уже знал, что случилось, только не понимал почему, и он не удивился, когда увидел на том месте, где только что стоял корабль, клубящийся столб раскаленного дыма, гигантским штопором уходящий в фосфоресцирующую небесную твердь. Корабль лопнул, лиловым светом полыхала керамитовая скорлупа, весело горела сухая трава вокруг, пылал кустарник, и занимались дымными огоньками корявые деревья. Яростный жар бил в лицо, и Максим заслонился ладонью и попятился вдоль обрыва — на шаг, потом еще на шаг, потом еще и еще... Он пятился, не отрывая слезящихся глаз от этого жаркого факела великолепной красоты, сыплющего багровыми и зелеными искрами, от этого внезапного вулкана, от бессмысленного буйства распоясавшейся энергии.

Нет, отчего же... — потерянно думал он. Явилась большая обезьяна, видит — меня нет, забралась внутрь, подняла палубу — сам я не знаю, как это делается, но она сообразила, сообразительная такая была обезьяна, шестипалая, — подняла, значит, палубу... Что там в кораблях под палубой? Словом, нашла она аккумуляторы, взяла большой камень — и трах!.. Очень большой ка-

мень, тонны в три весом, — и с размаху... Здоровенная такая обезьяна... Доконала она все-таки мой корабль своими булыжниками — два раза в стратосфере и вот здесь... Удивительная история... Такого, кажется, еще не бывало. Что же мне, однако, теперь делать? Хватятся меня, конечно, скоро, но даже когда хватятся, то вряд ли подумают, что такое возможно: корабль погиб, а пилот цел... Что же теперь будет? Мама... Отец... Учитель...

Он повернулся спиной к пожару и пошел прочь. Он быстро шел вдоль реки; все вокруг было озарено красным светом; впереди металась, сокращаясь и вытягиваясь, его тень на траве. Справа начался лес, редкий, пахнущий прелью, трава сделалась мягкой и влажной. Две большие ночные птицы с шумом вырвались из-под ног и низко над водой потянули на ту сторону. Он мельком подумал, что огонь может нагнать его, и тогда придется уходить вплавь, и это будет малопривно; но красный свет вдруг померк и погас совсем, и он понял, что противопожарные устройства, в отличие от него, разобрались все-таки, что к чему, и выполнили свое назначение с присущей им тщательностью. Он живо представил себе закопченные оплавившиеся баллоны, нелепо торчащие посреди горячих обломков, выпускающие тяжелые облака пирофага и очень собой довольные...

Спокойствие, думал он. Главное — не пороть горячку. Время есть. Собственно говоря, у меня масса времени. Они могут искать меня до бесконечности: корабля нет, и найти меня невозможно. А пока они не поймут, что произошло, пока не убедятся окончательно, пока не будут полностью уверены, маме они ничего не сообщат... А я уж тут что-нибудь придумаю...

Он миновал небольшую прохладную топь, продрался сквозь кусты и оказался на дороге, на старой, потрепанной бетонной дороге, уходящей в лес. Он подошел к краю обрыва, ступая по бетонным плитам, и уви-